

ЕСЛИ ТЫ СЛЫШИШЬ...

Старый кнопочный телефон красного цвета, подключённый проводом к соответствующей розетке на стене.

Одиннадцать цифр: выход на межгород, код населённого пункта, четырёхзначный номер городского телефона: в крохотном Кватервиле около семи тысяч жителей.

Гудки. Тринадцать гудков. Уже подсчитано. Потом щелчок и сброс. Пометка в списке.

Новый номер.

Тринадцать гудков. Сброс. Вычёркиваю.

Следующие одиннадцать цифр из списка.

Снова ничего.

Ещё одна попытка. И ещё. И ещё...

Ни одного ответа.

Смотрю на распечатку телефонной книги. За сегодня двести. Итого тысяча номеров позади. Осталось ещё полторы.

Просто мне очень нужно туда дозвониться.

Оглядываться. Не забывать оглядываться. Сейчас все так делают на улицах. Регулярно вертят головами. В целях безопасности.

Они вынуждены это делать, потому что больше не полагаются на слух.

Я поступаю так, чтобы никто не заподозрил, что я отличаюсь от них.

Меня зовут Руди Биглис, и я – слухач. То есть по меркам былого времени я совершенно заурядный молодой человек. Обо мне и сказать-то нечего. 22 года, средний рост, средний вес. Студент, сейчас уже получается, бывший. Единственный нюанс – прокатившуюся по планете пандемию вируса A1H7N9, сделавшего глухими 90 % населения и получившего за это название «уховёрт», я пережил без последствий. Я тоже заболел, причём в числе первых. Насколько я знаю, откосить от болячки не удалось никому, просто кого-то она накрыла сразу, а кто-то держался ещё несколько недель, прежде чем слечь. Симптомы гриппа, тошнота, высокая температура, боль в мышцах, через пару дней осложнение на уши. Вскоре человек выздоравливал и вставал с постели, но уже глухим. Навсегда. Некоторым, как мне, повезло. У нас в организме имелся некий аутоантиген, дававший дополнительный иммунитет против вируса. Во время болезни слух мы теряли лишь частично, а потом и вовсе всё приходило в норму.

Вот только по-настоящему счастливыми нас трудно назвать. Обозлённые своим увечьем глухари возненавидели таких, как я. Не буду утверждать, что все поголовно, нормальных людей хватает, но доверять уже нельзя никому.

Я не знаю, откуда взялась эта ненависть. Всегда и во все времена из общей массы людей кто-то выделялся. Красотой, или силой, или талантом, или деньгами. Им завидовали, да, разумеется. Но встреченную на улице актрису или фотомоделю не лупили сумочками толпы менее симпатичных дамочек, звезду баскетбола не выслеживала с камнями банда коротышек, талантливый певец не ждал плевка в спину от кого-то не имеющего голоса. Так откуда это взялось?

Ответ лишь один: раздражительность, злоба, ненависть – производные вируса, что бы там ни доказывали доктора и учёные, мол, на биологическом уровне это не подтверждено. «Уховёрт» изменил людей. После расправы с диджеем Старки, последним ведущим последнего радио, который из любви к своему делу продолжал в одиночку вещание, несмотря ни на что,

меня никто не убедит в обратном. Шайка пьяных полоумных глухарей забила его до смерти прямо на выходе из студии.

Ублюдки! В голове не укладывается, что с людьми, сотворившими такое, мы раньше могли сидеть за одной партой, покупать продукты в одном магазине, пить пиво в одном баре... Впрочем, почему «могли»? Они и сейчас рядом, никуда не делись, скрываются под личиной овечек, но как только узнают, что ты – слухач, превратятся в тех, кто они есть на самом деле, – самых настоящих зверей, хищников.

Полиция? Да что она может в этих условиях?! Сил у них хватает лишь на патрулирование улиц. Как срочно вызвать помощь, если на том конце линии тебя не слышат? Электронным письмом? SMS? Хотя... вроде как на телефоне пожарных сидит слухач. Наверное, и в полиции так же. Нет желания проверять. Да и не завидую я этому слухачу: пусть на работе его и не тронут, но кто-то на стороне наверняка уже точит на него зуб и ждёт только подходящего случая куснуть исподтишка.

Скоро дойдёт до того, что нас, слухачей, будут вычислять и отлавливать. Или под расстрел, или в гетто. При малейшем подозрении сделать это проще простого – подкрасться сзади, например, и хлопнуть бумажный пакет. Вздрогнул от неожиданности – попался.

Возможно, я преувеличиваю. Я был бы рад, если так.

Но мир сошёл с ума. И это не подлежит сомнению.

Так что не забывать оглядываться...

Я и не забываю. Держу ухо востро, как говорится в неактуальной нынче поговорке. Осторожность прежде всего. Я в центре города, вокруг люди, и одному Богу известно, кто из них нормальный человек, а кто съехавший с катушек псих, готовый вцепиться в меня и линчевать на месте.

Вообще-то я стараюсь без особых причин не шляться по улицам, но и сидеть дома с родителями подчас невыносимо. Они, увы, потеряли слух. Отец ещё ничего: он портной, сохранил работу, хотя депрессия накрыла его по полной. А вот мать... Она у меня была актрисой в труппе местного театра, и, хотя никогда не получала ведущих ролей, театр был её жизнью, и вот... Театр закрыт. Так же, впрочем, как и мой университет. Как кинотеатры, дискотеки, концертные залы. И хотя заявления от правительства полны оптимизма, мол, всё наладится, учёные обязательно найдут способ вернуть человеку слух, причём в самое ближайшее время, я в это не верю. Ведь своими глазами прекрасно вижу, что прежняя жизнь разваливается и мир летит под откос.

Чтобы не сидеть дома и хоть что-то заработать, я устроился на полставки в пекарню неподалёку. Работа – отстой, запах свежей выпечки, который так радовал в детстве, уже надоел до чёртиков, но в любой кризис лучше быть поближе к жратве. Сегодня моя смена вечером, а сейчас у меня тут в центре кое-какие дела...

Продвигаюсь по улицам, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Впрочем, никто и не стремится смотреть в глаза. Это хорошо. Почти у каждого в доступном месте блокнот и ручка, некоторые используют как средство коммуникации электронный планшет. У меня есть и то и другое. А как иначе в этом мире глухих?

Обычные мобильные телефоны превратились в никому не нужный хлам. Смартфоны выжили за счёт наличия мессенджеров. Наверное, им на смену придут более удобные устройства, ведь мир оглох, но не онемел. А вот и доказательство...

У дверей супермаркета электроники заметная очередь. Люди, весьма прилично одетые, покорно ждут чего-то. Я догадываюсь, по какой причине они собрались. «Альфа-3000». Новый планшет с инновационной технологией распознавания голоса и перевода его в текст. Продажи начались несколько дней назад, и, естественно, желающих оказалось слишком много. Такое столпотворение я видел разве что сразу после пандемии в магазинах медтехники, когда люди рванули покупать слуховые аппараты. Тот ажиотаж длился недолго – народ быстро разобрался, что устройство, помогающее лишь при частичной потере слуха, ничего им не даст. «Уховёрт» знал только два финала: глухарь или слухач. Третьего не дано.

Рекламный ролик, транслируемый на экране в витрине, показывает пару, пьющую кофе за столиком в кафе. Белоснежный планшет лежит ровно между ними, и то, что произносит мужчина, текстом отражается на стороне девушки. То, что говорит она, – на его стороне. Появляются на планшете с обеих сторон, естественно, слова любви.

Пожалуй, я бы купил себе «Альфу-3000». Для конспирации, и вообще... Однако его цена, показанная в конце ролика, мягко говоря, шокирует. Хотя чему удивляться? Это – бизнес. Спрос рождает предложение.

Иду дальше, думая о том, как это, наверное, ужасно – постоянно жить в шумящем коконе собственного черепа, куда не доносятся звуки извне. Одно время я использовал беруши, чтобы чувствовать то же, что и остальные, и таким образом сливаться с толпой, но надолго меня не хватило.

Улицы несут на себе печать всеобщего уныния и бардака. Местами это незаметно внешне, но чувствуется на уровне каких-то неведомых волн, в лицах и позах людей, которые, кстати, почти перестали улыбаться. Магазины и кафе открыты, но посетителей мало, за исключением букиниста – там весьма оживлённо; за неимением других развлечений люди снова стали читать. Ветер треплет на стенах совсем старые афиши о концертах ещё довирусной эпохи. Новое объявление только одно – о гастролях какого-то цирка.

Да у нас тут, если разобраться, весь мир – один сплошной цирк.

Далеко за примером ходить не надо. На перекрёстке безумного вида растрёпанный мужик в грязном сером плаще цепляется к прохожим, рассказывая, что «уховёрт» – изобретение военных, которые хотели изначально наделить человека телепатией, но у них ничего не вышло. Не исключено, мужик – провокатор, приманка для слухачей-глупцов, в противном случае его бы уже давно уделали, даже будь он трижды глух.

Значит, к чертям полоумного с его сказками! Я перехожу дорогу, активно поглядывая по сторонам. В потоке машин наблюдаю велосипедиста, из шлема которого торчат два рожка зеркал заднего вида. Правильно. Он тоже привык оглядываться. Ведь клаксон сейчас практически бесполезен.

Когда голос сумасшедшего смолкает, я осознаю вдруг, что город пронизан безмолвием. Не тишиной, нет. Шарканье подошв, рёв моторов машин, стук какого-то строительного инструмента... Звуки заполняют улицу, но среди них нет голосов. Нет детского смеха, женской болтовни, нет разговоров по мобильному, нет весёлой музыки, звучащей из кафе...

А ещё на двери магазинчиков и лавок больше не вешают колокольчики.

Мрачно.

Но через два квартала картина ещё мрачнее. Там, в центре сквера недавно воздвигли памятник... Памятник звуку. Мемориал представляет собой четыре огромные квадратные стелы, изображающие динамики, а между ними нотный стан с громадным скрипичным ключом. Наверное, скульптор счёл на этом свою композицию оконченной, но люди развили

его мысль. По-своему. В пространство между линиями нотного стана вписали имена певцов и музыкантов, кто покинул этот мир, не пережив случившегося, а у подножия стали оставлять не цветы, а символы прошлой жизни – плееры, магнитофоны, наушники, кассеты, компакт-диски и даже раздобытые невесты где грампластинки. Со времени моего последнего посещения эта гора ощутимо подросла и обрела золотую вершину: кто-то водрузил наверх самый настоящий саксофон. Прибавилось на стене и имён. Многие были знакомы. Некоторыми я заслушивался когда-то в плеере по дороге в универ и домой.

Они не выдержали. Сами ушли из жизни. Поступок слабого или сильного? Что сделал бы я, окажись на их месте, когда всё, чем жил, исчезает безвозвратно? Не хочется думать. Слишком больно и страшно.

Отворачиваюсь от места современного паломничества и иду дальше.

Мартин, высокий смуглый брюнет, мой бывший однокурсник и по совместительству мелкий криминальный делец, ждёт на условленном месте. Увидев меня, он в знак приветствия поднимает руку. Я киваю. Вообще-то он тоже слухач, но так спокойнее. Мы обмениваемся крепким рукопожатием, затем он жестом приглашает меня следовать за ним.

В тёмном баре, куда мы спускаемся по крутой винтовой лестнице, пахнет жареной картошкой и табачным дымом. Людей немного, и... они разговаривают! Я оторопело смотрю на Мартина, и он изгибает губы в снисходительной улыбке:

– Тут безопасно. Стоило того, чтобы тащиться через весь город, верно?

Мы берём за стойкой пиво и две пачки чипсов. Затем бармен даёт Мартину ключ от маленького банкетного зала, где сейчас абсолютно пусто.

– Хозяин заведения – мой родственник, – поясняет Мартин, когда мы располагаемся с одного края стола так, чтобы на всякий случай видеть вход. – Ну, что? Рад встрече! Как оно вообще? Как семья?

– Предки совсем в себя ушли. Мать в бесконечной депрессуре, отец не лучше. Матери ещё хоть как-то помогает, а я... сам по себе.

– Можно сказать, повезло. Мой отчим, узнав, что я слухач, выгнал меня из дому.

– Ни хренасе! И где же ты живёшь?

– У Бэллы.

– Она?..

– Она – глухарь. Но неагрессивная. Так, истерит по мелочам. По-женски...

– Ты долго шифровался. Как попался-то?

– Кран прорвало ночью. Начало квартиру затапливать. Я услышал шум воды. Разбудил. А вместо благодарности... такая вот фигня. – Мартин отхлебнул пива.

– Да уж...

Мой товарищ вздыхает и задаёт риторический для наших реалий вопрос:

– Скажи, вот откуда в глухарях эта херь берётся?

– Вирус. Я других вариантов не вижу. Да мы это уже не раз обсуждали.

– Я всё равно не понимаю. Нас мало. Нас ценить нужно. Мы бы и в бизнесе, и в госсекторе могли бы неплохо присесть. А у нас не жизнь, а сплошное подполье. Я с пушкой и во сне не расстаюсь. Про группировку радикалистов «Чёрный Полдень» слышал?

– Это слово теперь анахронизм, Мартин, – говорю я, имея в виду его «слышал». – А про «Полдень» в Сети много пишут, да.

– Сволочи! Это они Старки замочили.

- А полиция чего?
- А оно им надо?
- Дерьмо! Что дальше будет с этим миром, а?
- Анархия. Вот увидишь.

Хоть я и сам не предрекаю человечеству светлого будущего, с Мартином мне хочется поспорить.

- Не факт, - говорю. - Просто времени больше нужно на адаптацию. Слух ведь у человека испокон веков был. Перестроиться так быстро невозможно. Сам посуди, за последние полгода как настроения менялись вокруг. Сначала страх, что это вообще происходит. Потом надежда, что слух вернётся. После, когда учёные признали процесс необратимым, депрессия: привычный мир рухнул, 90 % населения - калеки. Теперь вот период приспособления - все эти новые устройства и технологии. Дойдут и до того, что звуковые колебания будет не само ухо воспринимать, а напрямую мозг - такие прототипы уже даже созданы, я читал.

- Ага. Вот только слухачей к тому времени не останется.

- Умеешь ты подбодрить... А я тебе хотел рассказать, что универ наш осенью снова открывают. Правительство разработало новую программу. Будут по экранам и книгам преподавать. Без голоса. Вернулся бы? Один год доучиться?

- Руди, мы о чём сейчас говорили? Какая, нафиг, учёба? Придётся глухарём в универе притворяться, иначе из тебя козла отпущения сделают. Оно надо?

Он замолкает, затем встряхивает чёлкой, кривясь на какие-то свои мысли.

- Слушай, давай о деле, а? Принёс?

- Да. А ты?

Мартин подходит к двери, осторожно выглядывает в щёлочку, затем возвращается за стол и достаёт из-под куртки свёрток. Кладёт рядом с бокалом и накрывает рукой.

- Руди, мы друзья, но...

- Конечно-конечно!

Я достаю перетянутую резинкой пачку купюр и протягиваю ему. Он считает. Удостоверившись, что всё верно, пододвигает мне товар и информирует:

- Вальтер, 9 миллиметров, магазин на 12 патронов. Подплечная кобура.

Киваю. Разворачиваю свёрток. Всё так. Мой заказ.

- Если не секрет, откуда у тебя деньги? - интересуется Мартин, показывая, как снимать с предохранителя и вытаскивать магазин. - Неужели подмастерье в пекарне так много зарабатывает?

Вообще-то о стволе я подумываю уже давно. Но Мартину отчего-то говорю иное:

- Я на «Альфу-3000» собирал. Чтоб не выделяться и всё такое...

- А, новый планшет с переводчиком... Видел, сколько он стоит? Как два таких, - жест в сторону пистолета. - Или даже три...

- Видел, - киваю. - Как раз проходил мимо магазина. Совсем оборзели, суки.

- Уж они своего не упустят. На музыке денег не сделать, так они или на электронных книгах, или на чём-то вроде этих планшетов заработают. Детектор детского плача с оповещением на вибробраслет знаешь сколько стоит?! И берут родители, куда деваться? А у той штуки, что сразу звуковые колебания в мозг отправляет, - представляешь ценник?

- Угу. А вот владельцы звукозаписывающих компаний точно разорились. И киностудии тоже.

– Кино будет, не сомневайся. Правда, немое, как раньше. Да уже сейчас вроде некоторые кинотеатры пробуют фильмы с субтитрами пускать.

– Да? Интересно, – бормочу я по инерции, хотя на кино мне плевать.

Я прячу попку на дно рюкзака. Пока так. Дома рассмотрю получше, потренируюсь «насухую» без патронов, да и кобуру отрегулирую в спокойной обстановке. Я ведь совершенно без опыта в этом деле, все знания из Сети почёрпнуты.

– Кстати, – говорит Мартин, наблюдая за моими действиями. – При нынешних обстоятельствах обвалилась цена на глушители. Не нужно?

Отрицательно качаю головой. Ну куда мне ещё и глушитель?

Дело сделано. Мы перебираемся в основной зал и берём по второму бокалу. Как же это приятно – оказаться в нормальной человеческой обстановке. Негромкая музыка, голоса за соседним столиком. Как раньше, до вируса.

О серьёзном больше не говорим. Вспоминаем знакомых, обсуждаем сетевые сплетни... Я рассказываю прочитанную недавно историю о слухаче, спасшем корабль, попавший в шторм. Он случайно услышал SOS по рации в дежурке порта, записал координаты, и благодаря этому двадцать человек экипажа остались живы. Но засветившегося парня-слухача потом подставили коллеги, и, несмотря на свой подвиг, он лишился работы.

Мартин пересказывает кажущуюся совершенно нереальной байку о свихнувшихся певцах-глухарях, которые захватывали слухачей, держали их в плену и пели для них, заставляя аплодировать, выпрашивать автографы и всё такое.

Когда же за нашим столиком воцаряется пауза, Мартин интересуется:

– Лиза не писала?

– Нет, – качаю головой.

Упоминание о Лизе навевает грусть и возвращает меня к безумной идее с глобальным телефонным обзвоном. Я смотрю на часы и понимаю, что мне пора.

Красный телефонный аппарат. Одиннадцать цифр. Надежда на «алло» на том конце провода и бесконечные гудки, как гвозди, которые судьба вколачивает в крышку гроба.

Сброс. И новый номер из телефонной книги Кватервиля.

Что будет, если я дойду до конца списка и мне никто не ответит? Сдамся я или начну сначала? Или всё-таки поеду туда наудачу?

Мои безуспешные пока сеансы связи проходят в реквизиторской комнате городского театра. Именно того, который сейчас закрыт. Именно того, в котором играла моя мама, а я приходил к ней когда-то после школы. Собственно, поэтому я и знаю про телефон, и про это место, и про запасной ключ, который обычно лежит сверху, на коробке распределительного щита. Вернее, лежал, пока я не забрал его себе. И теперь я здесь единственный посетитель, глухой и вечно пьяный сторож не в счёт. В само здание я забираюсь через крышу с соседнего дома: и там и там вход на чердак открыт. Несколько лестничных пролётов, пара переходов, унылый коридор и в десяти метрах от выхода в закулисы это самое помещение для хранения реквизита. Бюсты из папье-маше, пенопластовые колонны, деревянные мечи, кубки из жести и всё такое в том же духе...

Комната без окон, так что я смело включаю свет, достаю свою распечатку с номерами, сажусь на бутафорский трон рядом с красным телефоном и звоню...

Сброс. Одиннадцать цифр. Тринадцать гудков. Ничего.

Итак, полторы сотни раз за сегодняшний сеанс...

Я кладу на рычаг нагревшуюся от долгого держания трубку и закидываю голову вверх. Может быть, всё это не имеет смысла? Может быть, я не нужен ей? Ведь что у нас, в сущности, было? Пара свиданий, за время которых я, однако, явственно ощутил, что хочу быть рядом с этой девушкой. А она? Она тоже увидела что-то во мне... Или я это придумал? Уже прошло полгода. Она могла совсем забыть меня...

Я снова вспоминаю ту последнюю нашу встречу. Я уже чувствовал себя паршиво, но её компания и её внимание придали мне сил, и вечер прошёл замечательно. Я сказал ей... Да, помимо всех других слов я нашёл силы сказать, что она дорога мне. Она ответила, мол, очень рада встрече со мной. И мы поцеловались. Я запомнил тот поцелуй, потому что кроме сладости в нём было и другое. Мне тяжело про это думать, но... Полагаю, этим поцелуем я и заразил её, передал вирус. На следующий день я уже едва мог встать с кровати. Мы ещё перебросились несколькими сообщениями, а потом «уховёрт» вцепился в меня и отпустил только через полторы недели, когда в мире уже начал разверзаться ад. Болели тысячи, затем сотни тысяч, медицинской помощи на всех не хватало. Начались перебои с водой и электричеством, потому что большинство дееспособных граждан лежали пластом по домам. Продукты в магазины подвозились с большой задержкой. Вырубалась сотовая связь и интернет.

Я никак не мог связаться с Лизой и не знал, как её найти. Дитя современных коммуникаций: у меня были контакты её почты, блога, аккаунтов социальных сетей, номера мобильного и «Скайпа», но не было элементарного домашнего адреса.

Лишь через полтора месяца, когда вирус уже шёл на спад, я получил от неё письмо с какого-то незнакомого ящика. В нескольких строчках Лиза сообщала, что в начале пандемии родители увезли её к бабушке на другой конец страны, в маленький городок Кватервиль, где нет мобильной связи, а интернетом пользуются лишь в полицейском участке и библиотеке. Она написала, что люди там живут набожные, много времени проводят в церкви и считают вирус карой Божьей. Ей не очень нравится там, но в Кватервиле безопасно, и оглохшие не испытывают ненависти к слухачам, как в других местах. Последнее особенно важно, так как она сама слух не потеряла. Она написала, что скучает и мечтает встретиться, но родня пока никуда её не отпустит.

На радостях я ответил, что тоже слухач и очень хочу приехать к ней, но ответа так и не дождался. Авантюрное желание бросить всё и мчаться через всю страну, в этот самый Кватервиль постепенно сменилось сомнениями и раздумьями. Изучение карты вкуче с новостями о кордонах на дорогах и вводимом по всей стране комендантском часе тоже поумерили мой пыл.

Я решил, что прежде, чем что-то предпринять, должен поговорить с Лизой.

Единственный способ связи виделся мне только через городской телефон. Тогда я раздобыл телефонную книгу Кватервиля и начал тотальную переключку.

После дневной смены в пекарне вечер дома. Захожу в комнату родителей. Они смотрят новости по телевизору. Звук выключен, по экрану бежит строчка субтитров, но, увидев меня, отец жмёт кнопку громкости. Вид у него при этом такой, будто он делает большое одолжение. Я не реагирую. Они и раньше меня не сильно баловали вниманием. Детство я вообще, по сути, провёл с бабушкой. Сейчас же, после вируса меж нами пролегла настоящая пропасть.

Пока ещё новостные блоки и телепередачи идут с озвучкой, но надолго ли сохранится эта традиция? Слухачей мало. К тому же слухач не переломится прочитать бегущую строку. А то и освоить сурдоперевод...

«Всемирная организация здравоохранения призывает к мобилизации средств и ресурсов для скорейшей разработки вакцины, позволяющей вернуть утраченный слух в следующих поколениях. Наши дети должны слышать...»

«Ультраправые партии в парламенте готовят законопроект, запрещающий сохранившим слух гражданам баллотироваться в местные советы под предлогом того, что эти люди не смогут в полной мере проникнуться проблемами слабослышащего электората...»

«К настоящему моменту уже открыто около пятидесяти школ по ускоренному изучению языка жестов и дактилологии...»

Меня надолго не хватает. Молча выхожу из комнаты, делаю на кухне чай, выгребаю на тарелку принесённые из пекарни пончики и иду к себе. По пути замечаю, что отец снова выключил звук.

Мёртвая тишина... Как же она надоела! Я задёргиваю шторы, сажусь за компьютер и надеваю наушники. Я очень соскучился по музыке! По инерции набираю адрес любимого музыкального портала – одно из многих виртуальных кладбищ минувшей эпохи звука. Или музей... Многие подобные сайты уже закрылись, и я боюсь, наступит момент, когда не останется ни одного. Мой фаворит, впрочем, жив. Только на первой странице красуется какая-то новая надпись...

«Дорогие сохранившие слух посетители!

В связи с возросшей неприязнью со стороны остальных граждан будьте крайне осторожны! Не афишируйте свою особенность при незнакомых людях. Не включайте громко музыку дома или в машине, не ходите с плеером по улице. Не скачивайте аудиофайлы с непроверенных сетевых ресурсов, ваш компьютер может быть отслежен...

Наш сайт уделяет большое внимание безопасности посетителей. С нами вы можете быть спокойны...»

Даже так! А я вот насчёт сетевой безопасности на таком уровне раньше не беспокоился... Могут отследить... Хм... Странное предчувствие колет сердце. Мне тут как раз спам чудной накануне пришёл... Не связаны ли эти вещи, а?

Захожу на почту, открываю корзину, куда мне автоматом сваливаются все подозрительные сообщения. Так... что у нас здесь?

Предчувствие не обманывает. Письмо весом в несколько мегабайт чем-то неуловимо выделяется. Впрочем, выделяется, конечно, темой. «Обращение к слушачам!» Интересно! Вряд ли это что-то опасное, но на всякий случай прогоняю письмо через жернова антивируса. Чисто.

Ладно, рискнём.

Внутри одна-единственная строка: «Откройте приложенный аудиофайл».

Исполняю. Щелчок – и в наушниках звучит сухой мужской баритон:

«Данное сообщение искажено для невозможности расшифровки электронными распознавателями голоса».

Ого! Что-то новенькое. Даже глаз от волнения начинает дёргаться, что бывает крайне редко. Через мгновение эфир заполняет нечто вроде белого шума, сквозь который, меняя уровни и скорость воспроизведения, доносится искажённый голос с нотками металла. Слушать тяжело, но можно.

«Уважаемый Слышащий! К вам обращается инициативная группа проекта «Новый Город», состоящая из таких же, как вы, слушачей. Уже абсолютно ясно, что в современном обществе человек, не потерявший после пандемии слух, превратился в изгоя, чьё здоровье и даже жизнь находятся под постоянной угрозой. Государство при этом не способно обеспечить не только конституционные права, но и элементарную безопасность всех своих граждан. Помощи

от власти ждать не приходится. Выход лишь один. Для нашего выживания необходимо объединиться и создать своё общество, где мы сможем как раньше жить, работать и с уверенностью смотреть в завтрашний день. Наша цель – свобода и достойная жизнь без ущемления наших прав. Мы хотели бы достичь этого мирным путём, но если за свою мечту придётся бороться – мы готовы к борьбе...

Если наш призыв заинтересовал тебя – за подробной информацией заходи на сайт «Новый город точка com». При входе – звуковая идентификация».

Вот и до этого дошло. Сообщество слушачей. «Новый Город». Неужели реальность? Ну-ка, ну-ка!

Прохожу конспиративную проверку на указанном сайте (женский автоматический голос шёпотом диктует мне последовательность цифр для набора на клавиатуре) и начинаю изучать предложенную информацию, с каждой минутой увлекаясь всё больше.

Проект негосударственный, но это и так ясно. Финансируется за счёт средств каких-то телекомпаний и звукозаписывающих лейблов, а также отдельных состоятельных слушачей. В качестве первых лиц проекта выступают публичные персоны, сохранившие слух, – заправила медийной сферы: продюсеры, режиссёры, музыканты, журналисты и музыкальные критики – в списке сорок один человек, половина из которых до катастрофы регулярно мелькала на тиви. Конечная идея грандиозна – государство слушачей на одном из островов в Тихом океане. Промежуточная цель – объединение слушачей в безопасных анклавах, местоположение которых пока не разглашается. Рассказано обо всём обстоятельно, внушает уважение.

Откидываюсь в кресле, переваривая. Да, впечатляет. Ведь это – выход, спасение. Не думал, что толстосумы (пусть и слушачи), ориентированные на зашибание бабок и прожигание жизни в своих дворцах и загородных клубах, способны на такое, но, видимо, прижало. Видимо, в теперешних условиях даже им в одиночку не прожить. Подвоха тут я не вижу. А вложения они, пожалуй, отобьют со временем. Личная безопасность – очень даже неплохой товар. Ведь купил же я у Мартина пистолет по этой самой причине...

Какое-то время раздумываю, хотя думать тут нечего. Альтернатив не существует.

Иду в раздел «подача заявки». Среди двадцати пунктов анкеты есть вопрос про партнёра.

Мечтательно улыбаясь, я вписываю туда данные Лизы.

Снова одиннадцать цифр. Уже в который раз...

– Алло? Алло?

Детский голос на том конце линии ввергает меня в ступор. Этого события я ждал так долго, а сейчас язык прилип к нёбу и я ничего не могу сказать.

– Алло, – хрипло выдыхаю я в трубку.

– Ты демон, да?

О как! Интересный поворот.

– Нет, я не демон. С чего ты взял?

– Мама говорит, что сейчас по телефону звонят только демоны. Они хотят украсть наши святые души.

– Зачем же ты тогда взял трубку?

– Чтобы сказать, что я не боюсь тебя, демон. Я – будущий ангел!

Вот же угораздило! Единственный ответивший на почти две тысячи набранных номеров – ребёнок с задурманенными мозгами.

– А сколько тебе лет?

– Семь с половиной.

– И ты будешь ангелом?

– Да. Я стану большим, потом умру и после этого стану ангелом.

Мне начинает казаться, что всё это – сон.

– Это потому, что ты слышишь, да?

– Да. Господь наслал на нас кару. Кто грешил – оглох. Кто вёл праведную жизнь – могут слышать. И потом они станут ангелами. И я тоже. Так отец Грегор говорит.

Понимаю, что вопрос провокационный, но спрашиваю:

– А твои родители? Они оглохли?

– Да.

– Значит, они грешили?

– Грешили, – соглашается мальчик. – Но мы молимся за всех грешников. Отец Грегор говорит, если много молиться и работать, Бог простит их.

Ужас! Но придётся принять правила игры, ибо другого способа достичь цели я не вижу.

– Как тебя зовут, будущий ангел?

– Тони.

– Тони, а вас в городе много таких?

– Мама и папа говорят, что нельзя рассказывать про других праведников. Ты – хитрый демон...

Ага, нахрапом не выгорело. Пусть там у них и крутой замес на религии, но втолковать ребёнку цель беречься от пришельцев извне и не выдавать слухачей – это при нынешней ситуации правильно. Или праведно. Ладно. Кажется, я придумал...

– Нет, Тони. Я тоже будущий ангел. Ведь я, как и ты, не потерял слух. Ты слышишь меня, я слышу тебя. Мы разговариваем. А демоны – они глухие. Разве мама не говорила тебе?

На том конце сосредоточенное сопение.

– Я не помню.

– Честное слово, Тони, я – не демон. Я – твой друг. Меня зовут Руди, и я ищу одну девушку. Она тоже... праведная... будущий ангел. У неё рыжие волосы, и она приехала сразу после Божьей кары. Её зовут Лиза.

– Я знаю Лизу. Она живёт на нашей улице.

Уф! Я, наконец, понимаю, что вижу свет в конце тоннеля. Как же сделать так, чтобы он не погас?

– Тони, мне очень нужно поговорить с Лизой. Это крайне важно. Ты можешь сходить и позвать её к телефону?

Я напрягаюсь, ожидая услышать, что родители Тони запрещают ему выходить из дома или разговаривать на виду у всех, но всё гораздо проще.

– Ладно, я позову её, – соглашается Тони.

– Только не говори никому, – кричу я вдогонку, но трубка уже брякнула о столик. Впрочем, думаю я, даже если он кому и скажет, кто его услышит?

Через десять волнительных минут ожидания в телефоне звучит знакомый голос и я понимаю, что мучительные поиски, наконец, позади. Вот он – миг счастья!

– Лиза, здравствуй!

– Руди? Рада тебя слышать.

– Лиза, ты не представляешь, как долго я тебя искал. Я обзвонил почти всю телефонную книгу вашего Кватервиля.

– Люди отключили телефоны для безопасности. Кроме, кажется, одного...

Я представляю, с какой укоризной она смотрит сейчас на маленького Тони.

– Что у вас там вообще происходит? Что за помешательство на религии?

– Кватервиль – город набожных людей. Я тебе писала. А после вируса так вышло, что большинство священников, включая главу местной церкви, сохранили слух. Ну они и воспользовались ситуацией. Объявили вирус карой Божьей, слухачей – святыми праведниками, а всех остальных людей – грешниками. Все подчиняются им, обязательно ходят в церковь. Они верят, если истово замаливать грехи, то Боженька вернёт им слух.

– А люди со стороны?

– Демоны в обличье людей или грешники, продавшие им души.

– Охренеть! Как ты живёшь там?

– Да вообще-то привыкла уже. К тому же мы, праведники, в некотором роде на привилегированном положении.

– Ух ты!

– А там, у вас... Таких, как мы, ненавидят, так ведь?

– Вроде того.

– Значит, святые отцы в чём-то правы...

– Может быть. – Я не готов дискутировать сейчас на эту тему. – Слушай, Лиза, я ведь хочу приехать к тебе. Вернее, за тобой... Не было и дня, чтобы я не думал о нас...

Молчание на том конце линии становится сначала подозрительным, а потом пугающим. Неужели...

– Руди... Ты мне тогда очень понравился... Но... С тех пор много воды утекло...

Она замолкает, и я сразу всё понимаю. Понимаю, что опоздал.

Так и есть.

– Руди, здесь я познакомилась с одним парнем... племянником отца Грегора, и... он сделал мне предложение...

Остальное уже неважно. Абсолютно. И упоминать про анкету на сайте «Нового Города» смысла нет. Я как-то заканчиваю разговор, сухо прощаюсь и вешаю трубку.

Вот и всё. Столько дней жить этой мечтой – услышать её голос. Столько набранных номеров, столько тщетных попыток. Всё напрасно.

Я раздавлен. Я лишён любви, лишён цели, лишён смысла существования.

Оглядываю комнату для реквизита, последний раз смотрю на телефон. Я никогда сюда не вернусь. Здесь жила моя мечта, и здесь она умерла. Занавес!

Я выключаю свет, закрываю дверь и ухожу гулким коридором.

Я жду, когда время меня вылечит. Я хожу на работу. Я зависаю в Сети. Редкие вылазки в супермаркет, ещё более редкие визиты к Мартину. Минимум общения с родителями. Из этого состоит моя жизнь. Одиночество. Слухачи остаются за бортом, я всё чаще думаю об этом. Глухарей большинство. Они учатся общаться на языке жестов (что интересно, женщины, для которых общение – вещь первостепенной важности, преуспевают). О них заботится власть и правительство. Под них прогибается социум, промышленность, институты культуры. Собственно, они – это и есть человечество. А слухачи больше не счастливики, однозначно. Они – белые вороны, которых вытесняют, причисляют к изгоям, бессмысленно презирают.

Я продолжаю оглядываться. Даже чаще, чем раньше.

Хотя после тяжёлой смены порой про это забываешь и бредёшь себе понуро, глядя под ноги. Как сегодня...

Крик! Чёрт! Женский крик.

А вот теперь оглядываться опасно.

Но я всё равно смотрю по сторонам. Людей на улице, к счастью, почти нет. Что это? Откуда шум? Кажется, что-то происходит за углом. Направляюсь туда, машинально запускаю руку под куртку к кобуре своего вальтера, с которым теперь не расстанусь на улице. Можно пройти мимо, сделать вид, что ничего не слышал, но я не могу. Мне надоело прятаться.

Женский визг, звук смачной оплеухи. За ним мужской рык, и следом: «Ах ты ж, сука!» Я ускоряю шаг и расстёгиваю кобуру.

Взору предстают три фигуры в тупике между складами. Значит, источником шума я не ошибся. Да, теперь устраивать беспредел в подворотнях совсем просто: глухари даже в десяти метрах ничего не услышат, пройдут мимо и ничем не помогут. А увидев то, что вижу я, и не станут помогать, даже если и окажутся свидетелями злодеяния.

Растоптанные наушники на асфальте. Слухач. Вернее, слухачка.

Девушка прижата к стене двумя малолетними подонками лет шестнадцати. Третий держит её за шею одной рукой, второй потирает ухо. Она ему вмазала, стало быть. Молодец девчонка!

Эй, а я её знаю! Она работает на складе в том же здании, что и я. Недавно вроде как устроилась. Мы даже в кафе за соседними столиками в обеденный перерыв однажды сидели.

Внутри меня всё клокочет. Волна гнева поднимается откуда-то из самых глубин. Мне хочется растерзать подонков и отомстить. За мою несчастную любовь, за несостоявшуюся жизнь, за свою роль в этом перевёрнутом с ног на голову мире. Одни эмоции... Я просто слишком долго всё копил в себе.

Достаю пистолет, снимаю с предохранителя и вместе с тем понимаю, что стрелять в людей, будь они хоть трижды подонками и насильниками, я пока не готов. И вообще, я сделал лишь три учебных выстрела с момента покупки. Но вес оружия в руке придаёт уверенности.

– Эй, вы! – кричу во всё горло и стреляю в воздух.

И тут же понимаю, как это глупо и бессмысленно. Они ведь глухари.

Второй выстрел выбивает крошку из кирпичной стены, к которой прижали девушку. Ага, заметили. Один из парней, крайний слева, оборачивается. Я приближаюсь к ним и уже начинаю прокручивать в голове, как сейчас возьму их на прицел, заставляю отпустить девушку и уведу её с собой, однако события развиваются совсем не так, как я мыслил.

Кто-то прыгает на меня сбоку, пытаюсь выбить пистолет из руки. С первой попытки это не выходит, пистолет я держу крепко. Но мы валимся на асфальт, я сильно ударяюсь плечом и всё-таки лишаюсь оружия. Вальтер отлетает куда-то в сторону. Противник наваливается на меня всем весом, я пытаюсь его скинуть, но он тяжелее. Я на лопатках и вижу уже над собой его перекошенное лицо с кривым шрамом, пересекающим бровь, вижу буравящие меня угольки тёмно-карих глаз. Вижу руку, занесённую для удара...

Удар! Успеваю увернуться от прямого попадания в нос, но костяшки его пальцев всё-таки скользят по скуле, рассекая кожу. Тварь! Мы какое-то время боремся, затем он замахивается снова, но я на секунду опережаю его, цепляя ребром ладони кадык. Вот так, гад! Поперхнулся, да? Я собираюсь с силами и отталкиваю его от себя, помогая коленями. А в следующий миг ошеломлённо замираю, выпучив глаза, при виде того, как секунду назад зажатая в тупике девчонка элегантными приёмами восточных единоборств уделывает сразу троих

противников. Нет, уже двоих, так как один отваливается и, держась за голову, оседает на асфальт.

Мой собственный противник злобно рычит и готов вновь броситься на меня, но замирает как вкопанный и смотрит сначала куда-то вбок, а затем себе на грудь, где горит красная точка лазерного прицела.

В нескольких шагах матерятся поверженные нападавшие. Голос, который раздаётся сверху и из-за спины, легко перекрикивает их причитания:

– Валите нахрен! Быстро!

Конечно, реагируют они не на голос, а на явное преимущество в огневой мощи. Прихватив раненого, шпана удирает. А я рассматриваю незнакомца, что словно сошёл с киноэкрана или какого-то олдскульного журнального постера. Сухощавый, высокий, за сорок. Длинные, наполовину седые волосы стянуты на затылке чёрной лентой. Татуха со змеей на шее, кельтский узор на запястье, серьга в ухе. Косуха поверх майки «Звёздных войн». В кобуре на поясе кольт 45-го калибра – тот самый, с блоком лазерного целеуказателя. Освободившуюся от пистолета руку он протягивает мне и помогает встать.

– Ну, что, защитник униженных и оскорблённых, как же ты четвёртого проглядел?

Этот голос... Мощный, с хрипотцой. Я определённо его где-то слышал... Да и самого мужчину, кажется, уже видел, но где? Неужто и впрямь в кино?

Ступая мягкой, кошачьей походкой, подходит девушка.

– Привет! – Восстанавливая дыхание после драки, она говорит односложно. – Я – Сара.

– Руди...

– Да, мы знаем...

Сказать, что я в растерянности, – значит ничего не сказать. Я в шоке и понимаю лишь одно – передо мной слухачи. И ещё они чертовски похожи на героев комиксов.

– Может, объясните...

Мужчина в косухе тем временем подбирает с земли мой пистолет и протягивает рукоятку вперёд. Машинально забираю оружие.

– Ну, что... На сайте «Новый Город» заявку оставлял?

– Да... – киваю растерянно. Со стороны я, наверное, похож на идиота.

– Ну, вот. Проверку, считай, прошёл. Принят в команду.

Он смотрит на меня с едва заметной улыбкой, от которой в уголках глаз собираются маленькие морщинки. Затем протягивает руку:

– Алан. Будем знакомы.

– Руди, – повторяю я снова и от этого чувствую себя вдвойне глупо.

Мы обмениваемся крепким рукопожатием. Я перевожу внимание на девушку и, чтобы как-то снять неловкость, говорю:

– А ты отлично дерёшься.

– О, ты бы видел, что она с катаной вытворяет, – замечает Алан и поворачивается к Саре. – Но, девочка моя, я всё-таки советую взять тебе какой-нибудь звучный псевдоним, потому что Сара Рутбертекер для такого таланта – это не вариант. Даже Руди Биглис, – он кивает на меня, – и то звучит гораздо лучше.

Он подмигивает девушке, она показывает ему язык, и это разряжает обстановку.

– Я подумаю, – говорит Сара с ухмылкой.

– Ладно, мисс Рутбертекер. Этот юноша – всецело твой. Забирай его отсюда и вводи в курс дела. А я поехал.

Кивнув на прощанье, Алан отходит к не замеченному мной раньше синему чопперу, стоящему на выезде из проулка, надевает шлем и очки. Мотор байка оживает. Из выхлопной трубы вылетает сизый дымок. За мгновение до того, как человек в косухе трогается с места, я вспоминаю, кто он такой.

Алан Зигги, певец и музыкант, легенда жанра хард-рок. Обалдеть! Старина Зигги в игре! В игре под названием «Новый Город». И эта удивительная девчонка с ними. Получается, что и я тоже.

Мне становится отчего-то хорошо и легко. Будто я вырвался из плена уныния и безнадёги на волю.

– Пошли, – говорит Сара. – Я расскажу тебе, что да как.

– Пошли, – киваю я и понимаю, что моё одиночество в мире глухих кончилось.

2012